

— ПОЭТ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ «АРАГВИ»

Веч. Москва — 2004 — 8 июля — с. 24

12 ИЮЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ ВЕЛИКОМУ ЧИЛИЙСКОМУ ПОЭТУ ПАБЛО НЕРУДЕ

1949 год. Пабло Неруду с женой в аэропорту «Внуково» встречает группа советских писателей

Поздний сентябрь 1973 года. В Чили убит президент Сальвадор Альенде. К власти пришел Пиночет. Несогласных с новым режимом или убивают сразу, или держат на столичном стадионе, пока сами не умрут. Но и на этом трагическом фоне весть о смерти Пабло Неруды потрясла всех. Не зная его поэзии, мы знали, тем не менее, чем он был для чилийцев. В 1970 году великий поэт был выдвинут компартией Чили, членом которой он был с середины 40-х, на пост президента, но снял свою кандидатуру в пользу Сальвадора Альенде.

Лауреат Нобелевской премии по литературе (1971), Пабло Неруда был большим другом нашей страны, хотя его далеко не все устраивало в СССР. Он несколько раз бывал в Москве и очень ее любил. Здесь у него было немало друзей и много любимых адресов. Большими друзьями Пабло Неруды были российские филологи, специалисты по испаноязычной литературе супруги Вера Кутейщикова и Лев Осповат. 12 июля в московской мэрии состоится награждение Льва Осповата почетной президентской медалью правительства Чили, учрежденной к 100-летию со дня рождения Пабло Неруды.

Мы хотим вам предложить «московские» кусочки воспоминаний Веры КУТЕЙЩИКОВОЙ.

«Москва для меня — праздник»

«Не успев приехать, я сразу отправляюсь гулять по московским улицам... Я вглядываюсь в русские лица, любуюсь русскими косами, я вижу яркие бумажные цветы... рассматриваю витрину, отыскиваю новые вещи, новые маленькие вещицы, что делают жизнь более наполненной». Это почти детское любопытство Пабло подмечали многие, кому посчастливилось бродить с Нерудой по улицам. Отправной точкой его блужданий была гостиница «Националь», которая вызывала у него какое-то особо нежное чувство. В конце жизни он вновь вспомнил о ней:

Я столько раз причаливал к отелям дезинфицированным и холодным, Покамест многократно не осел В «Национале», старом, как добротное развалистое кресло.

Главным же в московском празднике были друзья: «Друзья — часть моей жизни, а из нее рождается поэзия». Первый дом среди многих друзей находился на улице Горького, 9. Это была квартира Ильи Эренбурга. Не без юмора описывали свои встречи и сам хозяин дома, и Пабло, и их близкий друг Жоржи Амаду. Бывали здесь Назым Хикмет, Александр Фадеев, Константин Симонов, который запомнился Неруде внешним сходством с чилийцем и красавицей-женой. Симонов знал Неруду разного: гостя и хозяина, в Чили, в двух шагах от океана, читающего и слушающего стихи, в Москве, пьющего красное грузинское вино. «Он обладал той глубиной и цельностью натуры, при которой человека не заботит мгновенность перехода от самого серьезного и даже трагического — к улыбке, к шутке и иронии».

Неруду очень интересовал дом Лили Брик и Василия Катаняна. Лили была родной сестрой Эльзы Триоле, супруги Луи Арагона — поэта-коммуниста, старого друга СССР. Эльза и предупредила сестру о приезде Пабло, посоветовав принять его, «как ты умеешь это делать». К Лиле Брик Неруда относился с почтением, как к любимой женщине Маяковского, весьма почитаемого им поэта.

Еще один друг Неруды — Семен Кирсанов. «Изобретатель, маг-циркач и маг поэзии, Кирсанов, Сема, брат» — таким любил Пабло своего собрата, «он был моим весельем». Ну а веселье не мыслилось без угощения.

«Мне позвонил Кирсанов, — вспоминает Евтушенко, — и сказал: приехал Неруда. Я устраиваю в его честь ужин. Раздобыл по этому случаю седло горного барана... А Неруда обещал сделать какой-то замечательный коктейль. Когда он вошел, первым вопросом было: «Все есть для коктейля?» Пабло умел угощать и сам любил угощаться. Застолье не превращалось в чревоугодие, это был некий ритуал язычника, неизменно украшаемый шутками, розыгрышами. К игре он относился серьезно, все, что исходит от детства, полагал бесценным даром».

Как гурман, Неруда разбирался в стиле тогдашних ресторанов. Однажды мы отправились в «Прагу», где заранее был заказан столик и меню. Молодецкий официант был предупрежден, что придет знаменитый гость, и волновался из-за нашего опоздания (опаздывали мы повсюду и всегда). Он встретил нас словами: «Я так беспокоился, майонез весь перестоялся». Фраза эта понравилась Пабло, и когда в следующий раз мы куда-либо опаздывали, он ее повторял. Что же касается пражской кулинарии, то она Неруде понравилась куда меньше.

На улице Горького, наискосок от памятника Юрию Долгорукому, был внешне довольно скромный ресторан «Арагви», пользовавшийся успехом у любителей кавказской кухни. Там Пабло частенько бывал с друзьями, а как-то и сам устроил прием.

*Вечер за окнами «Арагви»
Словно мужик, которого не впустили,
бродит, замороженный шашлыком
и весельем.
Пусть обо мне скажут: он был поэтом
из поколения «Арагви».
Верен я запаху жареного барашка.
Мои стихи порой не уступают
красной капусте,
а то и сравниваются с вином
в грузинской чаше.*

«Фадеев, ты — река»

В декабре 1951 года Александру Фадееву исполнилось пятьдесят лет. Отмечался юбилей в Центральном Доме литераторов. Неруда, как всегда, запаздывал к началу — обедал с друзьями в ресторане «Киев».

Торжество было в полном разгаре, когда он в веселом расположении духа, но не хмельной — он никогда не хмелел — появился в зале. По дороге Неруда сунул мне ресторанные бумажные салфетки, на которых были слова приветствия, пришедшие ему в голову во время обеда. В нестерпимой духоте пробираемся к столу президиума. Юбиляр, красный, потный, выглядит напряженным.

На трибуну выходят представители республик. Их речи со специфическим акцентом похожи одна на другую: юбиляра называют выдающимся строителем советской литературы, творцом социалистического реализма, неутомимым борцом с безродными космополитами (идет конец 1951 года, разгар антисемитских кампаний). После каждой речи на стол ложится очередная цветная тисненая папка.

И вот дают слово Неруде. Раздается его характерный глуховатый, чуть плачущий голос — зал затихает в ожидании перевода. И вот первая фраза: «Фадеев — ты река». Еще толком не понимая, что именно я произношу, слышу общий вздох присутствующих. Обалдевший от бесконечного однообразия речей, от жары, слепящих юпитеров кинохроники, зал ожил от неожиданности: «Какая река?»

А Неруда спокойно продолжает: «В моей стране есть река, которая похожа на Фадеева. Она начинается от снежных вершин, мощно врывается в поля и там становится широкой, покойной и прекрасной. Она глядит синими глазами, и белая пена встает над ее головой. Дорогой Фадеев, дорогой брат, такой похожий на мою любимую реку! Когда я вижу, как тыходишь в зал, когда встречаю тебя в далеких городах за границей, я слышу голос реки моего детства».

Присутствовавшие, разумеется, были немало ошарашены сравнением юбиляра с какой-то неведомой рекой. Но таков был Неруда. Он не мог, обращаясь к русским писателям, не напомнить им о существовании своей чилийской родины. Много лет спустя я узнала, что этот текст Неруды был опубликован в журнале «Дальний Восток», на родине Фадеева.

Диалог с полотером

Мы давно хотели пригласить Пабло к себе домой, но пока жили в неблагоустроенной коммуналке, это было невозможно. В начале 1967 года мы наконец-то смогли вселиться во вновь выстроенный дом в районе Аэропорта. Теперь мы могли устроить «фьест», или, как теперь говорят, тусовку. Собралось десятка полтора гостей: несколько латиноамериканцев, приехавших на IV Съезд писателей, — парагвайский поэт Элио Ромеро, венесуэльский романист Мигель Отеро Сильва, колумбийский писатель Хорхе Саламеа и друзья-латиноамериканисты Элла Брагинская, Инна Тертерян и Володя Кузьмищев.

Явление Неруды началось с конфуза — он застрял в лифте. Пока мы метались в поисках слесаря, Пабло оставался совершенно невозмутимым. А далее его ожидал сюрприз, о котором мы и сами не догадывались. Едва мы открыли дверь в квартиру, как увидели полотера Василия Васильевича, который натирал последние сантиметры коридора. Старик сразу заинтересовал Пабло, завязался разговор. Василий Васильевич рассказал, что ремеслу учился у отца, который мальчишкой натирал полы у графа Шереметева. Еще оказалось, что Василий Васильевич знает стихи Неруды. На спокойном лице Неруды возникло подобие улыбки: полотер — любитель поэзии! Не забрезжил ли у него замысел «Оды полотеру» наподобие «Оды прачке»?

Застольем управлял темпераментный Володя Кузьмищев, снискавший восхищение изготовлением «асадо» — жаркого по-аргентински. Грузинское вино Пабло одобрил, хотя заметил, что чилийское лучше. Кое-кто выходил на балкон проветриться, зоркий глаз Пабло отметил, что Володя увлек туда Инну. В конце начали читать стихи Пабло. В этот приезд он привез новый сборник, «Баркарола», с «Колоколами России». Саламеа начал их читать, вдохновляясь по мере чтения. И когда вечер уже кончался, перейдя в ночь, он с каким-то энтузиастическим отчаянием сказал: «Пабло, ты гений!» Невозмутимость Неруды и на сей раз ему не изменила.

Подготовила Юлия РАХАЕВА

Neruda Pablo

2007.07.